

Лидия Кобзарь-Шалдуга

АЛЬБОМ МОЕЙ ПАМЯТИ

Родословная семьи

Лидия Кобзарь-Шалдуга

Альбом моей памяти.

Родословная семьи

«Издательские решения»

Кобзарь-Шалдуга Л.

Альбом моей памяти. Родословная семьи / Л. Кобзарь-Шалдуга —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833189-3

Очень хочу, чтобы мои дети, внуки помнили свои корни, своих дедов-прадедов, чтити их память. Чтобы знали историю своего рода и своей далёкой прародины — Украины. Это третья книга моих записок о нашей семье, основанная на детских воспоминаниях и личном дневнике.

ISBN 978-5-44-833189-3

© Кобзарь-Шалдуга Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Мои прадеды	7
Из записок моего отца. Голодомор	8
Мои родители	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Альбом моей памяти Родословная семьи Лидия Кобзарь-Шалдуга

*«Самое богатое наследство, которое
родители могут оставить детям,
это счастливое детство с нежными
воспоминаниями об отце и матери»*

**– Императрица
Александра Федоровна Романова**

© Лидия Кобзарь-Шалдуга, 2016

ISBN 978-5-4483-3189-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Хочется написать о моих родителях, о наших предках – для своих детей и внуков. Сейчас в моем домашнем архиве набралось немало материалов для нашей Родословной. Это – довольно обширные записки моего отца, мои записки бабушкиных и маминых рассказов об их родителях. Это две моих книги о детстве наших детей – Кости и Алены. Это и много писем моих родителей, мужа и сына. И конечно, семейные фотоальбомы.

Ребенком я очень любила зимними вечерами слушать разговоры-воспоминания взрослых. Ещё студенткой спрашивала бабушку о родителях, о её молодости. Сейчас очень сожалею, что недостаточно расспрашивала, в юности мы заняты собой, в зрелости – своей семьёй и детьми...

Очень хочу, чтобы дети, внуки помнили свои корни, своих дедов-прадедов, чттили их память. Чтобы знали историю своего рода и своей далёкой пра-Родины – Украины.

* * *

После кончины мамы отец сильно тосковал, особенно зимой, когда нет работ по хозяйству. Чтобы как-то отвлечь, я просила его написать о своих родителях и о своей жизни. Он начал мне присылать свои записки на разлинованных листках из какого-то старого бухгалтерского журнала.

Самое первое моё воспоминание – ещё из младенческой кроватки. Кроватка довольно просторная, с высокими боковинками, сплетёнными из тонкой лозы, нарезанной вдоль. Постелька застелена простынкой – тёмно-красной, с узором. Я ничем не укрыта, лежу на боку, скучно. Перед глазами – таинственная дверка, манит, тянет меня, я хочу открывать эту дверцу, заглянуть в неё, узнать, что же там, в неведомом мире.

Когда уже совсем взрослой, кажется, даже после смерти мамы я описала отцу этот момент, он сильно удивился.

– Что это за кроватка у меня была? – спросила я у него.

– Я сам сделал её из немецких корзин для снарядов. А дверка-окошко – это кожаная застёжка на крышке плетёной корзины.

Кстати, помню у нас ещё один необыкновенный трофей той войны. Отец в лето 1958 года в свои тридцать лет сам построил новую хату. На крыльцо вели три ступени из кирпича. А в основании, первой ступенью, лежал большой обточенный камень прямоугольной формы. Отец сказал, что в молодости притащил его от станции Шиповатое в пяти километрах от нашего села Рогозянки. Как этот огромный, обработанный камень там оказался – неизвестно.

Часть I

Мои прадеды

В давние времена о девушке говорили: «она честного рода», а о парне: «он славного рода». А чем могут гордиться наши сородичи, не дворяне, а простые хлеборобы? Конечно же, отзывчивостью и щедростью, честностью и трудолюбием.

Мой отец Кобзарь Иван Нестерович 1927 г.р. всю жизнь строил и мастерил. Говорят, это у него от его дядьев: Артема и Данилы Кривули – братьев его матери **Неонила Даниловны Кривули** (1888—1978), вышедшей замуж из старинного села Катериновки в село Рогозянку за **Кобзаря Нестора Микитовича** (18?? -1931).

В семье прадеда Данилы Кривули и его жены Марии (она в девичестве была ещё крепостной) было три брата и три сестры, все – типично украинской, яркой внешности: среднего роста, крепкого телосложения, черные брови, с пухлыми губами и живым взглядом карих глаз. Одна из сестёр – моя бабушка Неонила говорила, что она девчонкой ходила с подружками собирать ягоды в саду помещика Вадбольского, его имение находилось недалеко от её родной Катериновки.

Семья Кривули считалась зажиточной: были у них волы и кони, молотилка и косарка, но работников-наймитов не держали, со всеми работами управлялись сами. После полевых работ, собрав урожай и подготовив землю к зиме, Данило Кривуля с сыновьями уходил на заработки – на плотницкие и строительные работы: делать возы и арбы, строить сараи, дома, укрывать соломой крыши.

Их ладный крепкий дом стоял недалеко от церкви, где на площади в престольный праздник собиралась ярмарка. На той ярмарке крутой и решительный Данила познакомился с Нестором Микитовичем Кобзарь и заставил дочь Неонилу выйти замуж за старшего и нелюбого, считал, что она в 22 года уже засиделась в девках. Кобзари были из бедных, невысокие, русые и светлоглазые.

Бабушка не любила своего мужа, говорила мне с пренебрежением:

– Ты знаешь, что кобзарь – это же нищий, с торбой ходит по ярмаркам.... – Она рассказывала про мягкосердечного мужа:

– Соберёт всю детвору на арбу и едет в поле, а в обед уже возвращается: – Дети устали, есть захотели... – А кто ж работать будет?! – сердилась жена Неонила.

Сама бабушка, оставшись вдовой с восемью детьми в страшный голод 1931—33, сумела всех их сохранить в живых, ей помогали в недавно образовавшемся колхозе как бедной многодетной вдове, но больше всего выручала корова и сильный характер самой бабушки.

Пятьдесят пять лет в Украине нельзя было и вспоминать о трагедии 33-го года. У нас в хате очень редко, скупно и тихо говорили об этом. Но тем острее я прислушивалась.

Из записок моего отца. Голодомор

И тут наступил 1933-й год, и был страшный голод. Мы все дома голодали. Мама ходила в Россию, в Белгородскую область, на станции Топлинка и Нежеголь, носила туда полотна, скатерти, сорочки и рушники вышитые, ходила там по селам и меняла на куски хлеба. Поэтому у нас и не осталось ничего из хорошей одежды.

Из Харькова был назначен шефом над нашим колхозом ХАТОРГ. Оттуда привозили некоторые крупы, муку, рыбу-тарань, жмых и сухой сыр. Простым людям сыр и тарань не попадали, это всё оставляло себе начальство. А жмыха (прессованная шелуха от семечек подсолнухов – отходы при отжиме оливы – подсолнечного масла) по кусочку колхозникам на работе выдавали.

Еще у колхозной кладовой стоял большой котел, в котором для тех, кто работал в поле, на обед варили галушки или кулеши, варил Тростянка Кузьма Кондратьевич. Мне в те голодные годы было 5—6 лет, я сам ходил в ясли, где детям варили молочную затирку из теста и лапшу. Но все равно мы постоянно хотели есть. Вечером на колхозном дворе котел не мыли, и я по дороге из яслей залезал в него и вылизывал. Если застану собаку в котле, то выгоню ее, а сам туда влезу.

Тогда пасли коров не в общем стаде, а каждый свою, если кто не мог, то нанимали кого-нибудь. На нашей улице Пустовар Иван пас свою корову и еще других людей, а я и наш сосед Алешка Жегусь пасли своих. Алешка был совсем слабый, пухлый от голода. Иван Пустовар ему говорит: «А ну потанцуй, – дам соленый огурец!» Тот Алешка переступает пухлыми ногами и приговаривает известную присказку: «потанцуем дураку за понюшку табаку...» Так Пустовар так его избил, что мы уже на обед погнали коров доить, а Алешка лежал в бурьянах. Я пригнал их корову и сказал, что Алешка лежит в кустах, не может прийти. Его домой привезли возиком. Он остался жив, учился в Харькове в летном училище и работал механиком возле самолетов.

Иногда я бегал в соседний совхоз к старшей сестре Василине на пекарню, а она мне украдкой выносила в посадку кусочек-другой хлеба. Изредка тайком приносила нам и домой то кусок хлеба, то горсть пшена. Она очень боялась, потому что за это ее могли судить и отправить в Сибирь или на Соловки. Однажды меня в посадке встретил объездчик Шестопал Иван Константинович, забрал у меня хлеб и доложил директору. Но тот пожалел сестру и не отправил в суд, а только перевёл её из пекарни в столовую.

В тот государственный свино-совхоз привозили вагонами комбикорм, фуражное зерно и сухари – кормить скот. На свиноферме работал мой 15-летний брат Омелько, но людям строго нельзя было взять ни малого кусочка, ни горсти комбикорма в карман. Тогда Омелько поехал в Дергачи за Харьков, где жил мамин брат Антон. Дядько устроил его в буфете продавать хлеб. Омелько проработал там всего четыре месяца. Однажды получив на пекарне хлеб, вез его с возницей в буфет. По дороге они не удержались – такой вкусный дух от свежего хлеба! – отломали кусочек теплого хлеба и съели. А в том хлебе оказался мышьяк – сильный яд. Возничего спасли, а мой брат Омелько в 16 лет умер. Там его и похоронил дядько Антон.

Зимой 1933-го в селах по всей Украине, и в нашем селе вымерло много людей. Весной мы ели подрастающую траву лебеду, дёргали рогоз из болота, собирали семена калачиков, сушили кукурузные стебли, толкли их в ступе на муку, добавляли лебеды и пекли лепешки. Видел не раз, как сидит опухший человек под тыном без сил. По селу специальная подвода собирала покойников, а некоторых ещё и не совсем умерших, всех везли хоронить в общую яму. В город Харьков голодных, умирающих селян не пускали, выставляли заслоны из милиции и военных.

У деда Елисея и бабы Евдокии Савченко была дочь Катя лет семи, слабая от голода лежала на печи. Мать её пекла травяные лепешки и одну подала ей, а она: – Не надо, мамо,

ешьте уже сами, – к утру она умерла. Мать везла хоронить девочку по нашей улице в старой тележке, и я видел, как ее ноги свисали и волочились по земле. Еще взрослые рассказывали, что на улице Загрызовой семья Котенко Тимохи съела свою дочь, дети боялись ходить по той улице. Тогда такое страшное людоедство нередко случалось по всей Украине.

В 1934 году в Ленинграде убили Кирова, вся страна была в трауре, везде устраивали поминки. За столом в Шиповатской школе сидели двое из нашего села: Кизим Василь и Савченко Сашко. Голод ещё не кончился, Василий тихонько:

– Хорошо бы чаще такие обеды были ... – Сашко донес директору, и Кизима осудили на десять лет туда, где добывают золото. Он отбыл срок да там и остался, завел семью, говорил:

– Спасибо, что засудили ... – Ведь до 70-х годов колхозники не имели паспортов и не могли жить, где вздумается. А он в Магадане получил специальность, обзавелся семьёй, хорошо зарабатывал.

Мой дед, а мамин отец **Кузниченко Иван Иванович** (1908—1933), был красивым, статным, чернобровым и скромным парнем. Он ушел из жизни совсем молодым, оставив вдову Евдокию с двумя мальчуганами: Ганне (моей маме) пять лет, её братику Ване года три.

В голодовку 1933 года на колхозном поле мамин молодой отец сеял вику (кормовая трава) и две горсти семян насыпал себе в сапог. Это увидел бригадир, пригрозил судом. Тогда, в тридцатые годы лютовали сталинские репрессии, многих судили за подобное и отправляли на Соловки. Он побоялся позора и, придя домой, влез на чердак хаты и там повесился.

У его жены (моей бабушки) Евдокии Максимовны (1910—1988) младший сын Ваня умер, она осталась со своей матерью Мезерной Одаркой Мокиевной (188? -194?) и маленькой дочкой Ганной, моей будущей мамой.

Ещё до войны бабуся Дуня-Евдокия второй раз вышла замуж за Сывокобыленко Василия. Он прошёл войну невредимым, вернулся, хорошо зарабатывал кузнецом в колхозе, выдал замуж падчерицу – мою маму. У него с бабушкой в 1946 году родилась дочь Надя, а лет через десять он ушел из семьи к другой женщине. В свои лет восемь, слушая разговоры взрослых об этой, поразившей меня драме, и я глубоко чувствовала душевную боль бабушки.

Моя мама внешне была похожа на свою мать, бабушку Дуню – с таким же высоким челом, большими зеленоватыми в коричневую крапинку глазами под широкими бровями. Только у бабушки Дуни была толстая коса до колен, а у мамы волосы были тонкие. В семье её звали Галя, так как имя Ганна казалось ей старомодным. У мамы в молодости был стройный стан, тонкая кисть, а характер решительный и весёлый.

Мои родители

Отец Кобзарь Иван Нестерович (28.03.1927) родился в селе Рогозянка Велико-Бурлукского района Харьковской области. Как все Кобзари, невысокого роста, жалостливый и открытый, но лицом похож на родню матери – Кривули: карие глаза под черными вразлет бровями и полные губы, живой и любознательный, такой же неугомонный и работающий. И он, и его сёстры, особенно тетя Катя, всегда выглядели гораздо моложе своих лет.

Я всегда его называла по-украински – тато. Самое яркое, самое счастливое моё первое воспоминание: я сижу на раме велосипеда на специальном сидении у руля между отцовскими руками. Ранним утром он везёт меня в ясли по узкой тропке через кладбище. Благоухают рос-ные травы, солнце встаёт за посадкой, прохладный утренний ветерок дует в лицо, а мне так тепло и уютно между отцовскими руками! С моей головы слетела соломенная шляпка-брылик с полями, держится под подбородком на завязочках, а я сижу, гордая и счастливая – какой, наверное, уже никогда в жизни не была.

Эту шляпку тато сам смастерил из соломы во время передышек на косовице жита: пока другие мужики отдыхали, он из соломинок сплетал косички, а потом их сшивал в брылик. К сожалению, он подгорел в духовке, когда осенью впервые затопили печь.

Тато часто брал меня, совсем маленькую на руки, я помню, как он мне, трёхлетней говорил, что у меня красивые брови и волосы, и вообще – я у него самая лучшая дочка. Мне всегда с ним было тепло, спокойно и надежно – всю жизнь и до сих пор. И сейчас, приезжая к нему, я легко могу его обнять и сказать, что он – самый замечательный на свете таточко и дидусь.

* * *

Отец и мама поженились рано. Их отрочество пришлось на военную оккупацию. Мама сразу после войны закончила в 1946-м семилетку в соседней Андреевке. Отец был старше почти на два года, он до войны успел закончить пять классов в Рогозянке, а после войны уже чувствовал себя взрослым и стал работать в МТС (межколхозная машино-тракторная станция).

Мама Кузниченко Ганна Ивановна (17.12.1928—01.06.2001) рассказывала, что послевоенный 1947 год выдался очень голодным, хотя и не настолько страшным, как 1931—33-й, когда по Украине вымирили сёла, погибло несколько миллионов крестьян. В хозяйстве была корова, главная кормилица любого селянина. Мамин отчим Василий работал кузнецом и получал кое-что на трудодни. После войны многие семьи пекли коржики, добавляя в них траву и зёрна из стручков белой акации.

У самой верной маминой подружки Марийки Бондарь родители держали хорошую пасеку. Мама вспоминала, каким душистым солнечным мёдом и жёлтыми сотами её там угощали! А в саду их соседа деда Йосифа Коваленко росли необыкновенно вкусные яблоки. Хотя, конечно, у всех хозяев были сады, но обычно лишь с ягодами – крыжовником, вишнями, сливами. А на каждое дерево яблони и груши в то время полагался налог, поэтому не всякий мог себе их позволить. И это – на щедрой, благодатной земле Украины!

Мама после школы мечтала уехать в город Харьков на ХТЗ (тракторный завод) или на шахты Донбасса. Но в то лето она познакомилась с Иваном Кобзарь. Серьёзный 19-летний парнишка работал на колхозном току: конной волокушей оттаскивал полову от веялки. А семнадцатилетняя глазастая, весёлая Галя (так её звали дома) – подавала к веялке снопы.

Следующей зимой они сыграли скромную сельскую свадьбу. У мамы фата была из марли, селяне никогда не имели денег на нарядную одежду, а после такой страшной войны вся страна, тем более колхозники с трудоднями, жили совсем без денег.

Выйдя замуж в восемнадцать лет, Галя из родного теплого гнёздышка, от мамы и любящей бабушки попала в чужую семью. Ей, беременной, нездоровилось, хотелось поспать, а надо было рано вставать, работать по хозяйству, привыкать к другой жизни. Весной родился первенец Витя. Ребёнок вскоре умер от коклюша. Помню, у его могилки в нашем саду долго цвели синие ирисы.

Через год, летом 1949 года родилась я. Молоденькой маме у свекрови жилось не очень уютно, бывали ссоры, обиды на свекровь и на мужа. Помню, как мама уезжала к своей матери. По её просьбе соседи из хаты погрузили на арбу её приданое – сундук, перину, подушки, меня усадили наверху. На середине дороги нас повстречал отец:

– Отдай ребенка! – Мне было очень неуютно наверху, хотелось к нему на ручки, вернуться домой, но я молча ждала своей участи. Через несколько лет период притирки прошёл, и они всю жизнь жили дружно.

Отец и мама-молодожены

Я в полтора года под ёлкой

Крестили меня совсем в раннем детстве в городе Купянске. В том же Свято-Никольском храме мы крестили и нашего сына Костика в его 10-летний день рождения. Помню себя там один раз: батюшка причащал прихожан, я сидела на руках у своей крёстной Василины, и мне тоже дали в ложке красного вина. Я родилась похожей на своего отца внешне и, как говорил мой муж, натура вся – в отца.

Дома у нас икон никогда не было, потому что бабушка Неонила была баптисткой, ездила в Купянск на проповеди пресвитера. Однажды ещё до школы она и меня туда взяла, мне там показалось совсем скучно. Школьницей я видела у неё припрятанные религиозные журналы

и брошюры, с любопытством полистала их. Она каждый день читала большую старинную Библию со многими её закладочками и дореволюционное Евангелие с «ятями». Я спала в одной комнате с бабушкой и перед сном слушала её молитвы, тогда и запомнила «Отче наш».

Хотя в стране запрещалось отмечать церковные праздники, но тем не менее у нас в семье не забывали праздники, которые веками соблюдали все наши предки-украинцы: на Спаса пекли маковники с медом, от Покровы до начала поста в Пилиповку или к Рождеству резали кабана. В Рождество дети колядовали, а я носила вечерю маминой крёстной. В марте мы с мамой пекли из теста жаворонков, в Благовещенье отец выносил ульи из омшаника. А на Троицу или Ивана Купала мама посылала меня с подружками в посадках и балках нарвать букеты полевых цветов, наломать веточек красного клёна, чтобы украсить входную дверь хаты, а травой чабреца, полыни, пижмы посыпать глиняный пол-доливку. Как красиво было тогда в хате, украшенной вышитыми рушниками, салфетками, скатертями, и какие целебные запахи трав в ней стояли! В народе этот праздник так и называли – Зелене свято, Зелена або Клечальна неділя, то есть Зелёное воскресенье.

Тётя Катя, сестра отца, с годами стала очень активной проповедницей у Свидетелей Иеговы, всегда ездила на разные их конгрессы, приезжала к нам в село и порой даже утомляла своими проповедями.

У маминой бабушки Евдокии Максимовны на покуте – в красном углу под вышитыми рушниками всегда висели старинные иконы и под ними лампадка. В нашем селе церкви не было, бабушка Дуня иногда бывала в храме соседней Катериновки, откуда сама была родом.

Родители мои, как и почти все, родившиеся в СССР, не были религиозными. Отцу не раз предлагали вступить в партию, чтобы строить карьеру, но он всегда отнекивался, мол, недостойн высокого звания коммуниста.

Сейчас я рада, что сын Костя вместе со школьными друзьями приобщился к церкви, постится и причащается. Это – большая опора в разных испытаниях на всю жизнь. Сама я смотрю как-то шире, мне интересно знакомиться с разными направлениями, теологией, внимательно читала Айванхова, Флоренского, Розанова и др. русских философов. Думаю, Творец один, а пути к нему – разные. В церкви почти не бываю, дома есть иконы, Библии разных изданий, Евангелие, семитомник Александра Меня, читаю и молюсь как умею, всегда благодарю Господа за постоянную поддержку.

* * *

Сёстры моего отца были большими рукодельницами – тетя Катя, тетя Шура и особенно тетя Харитина – моя нежная няня до пяти лет, умершая рано. Она необыкновенно искусно плела крючком кружева – из тонких хлопчато-бумажных ниток 50-го номера, – как фабричные! Няня готовила для меня, своей любимицы, подарки на долгую память: кружева к рушникам, нарядный платок из тяжелого вишневого шелка, с длинной бахромой и с красивой вышивкой гладью в одном углу. Платок не сохранился, а кружево и сейчас со мной на Урале, на рушниках, вышитых мамой.

В войну она потеряла своего мужа и сыночка, когда с заводом ХТЗ эвакуировались и попала рыть окопы под Сталинградом. С тетей Харитиной, моей любящей няней, мы были неразлучны, я нежилась в её ласке и любви, а она, одинокая, жила заботой о малышке. Мы вместе пасли её козу по посадкам белой акации и шелковицы, вместе ели и спали. Сколько она вложила в меня в первые годы моей жизни! Всевозможные потешки, песни, небылицы, загадки, сказки – с нею я узнала их множество. Она умерла, когда мне не исполнилось и пяти лет, потом я многое забыла, но тяга к творчеству, любознательность во мне остались.

С бабусей Неонилой и няней Харитиной

Для меня большим потрясением стала её смерть. Помню, поздней осенью она с больным сердцем, с одышкой лежала на кровати, рядом с лежанкой, а я забралась к ней и махала ей перед лицом газетой – она уже задыхалась. Помню последний её вечер, когда она просила положить её на пол, глиняную доливку – может, там легче будет дышать... А на рассвете, поняв из разговора взрослых о её кончине, забралась я на печь, спряталась за дежу с тестом и там плакала тихо, чтоб никто не услышал. Была поздняя осень, мне было всего четыре года, а у меня уже

случилось это страшное горе – потеря близкого, дорогого человека. Наверное, каким-то седьмым детским чувством угадывала перемену моей внутренней жизни, перемену в жизни моей души.

Я с татом

Когда в конце пятидесятых наступила хрущёвская оттепель, в сёлах начали строить дома, платить деньги на трудодни, некоторым колхозникам начали выдавать паспорта, отменили продовольственные налоги, люди смогли строить новые дома. Мой отец в свои тридцать лет сам построил хату и сам сделал всю мебель: столы, лавки, табуреты, карнизы, рамки для фото, красивые подставки для цветов, шифоньер. В те годы в колхозах работали без выходных, и всё это отец увлеченно делал вечерами, когда семья собиралась в кухне возле тёплой печи.

Тогда печь была центром домашнего очага. На печи спали старики, грея больные кости. Днём дети играли, тоже не зная никаких простуд. Под сводом печи в сковородке пекли румяные хлебы на хмельных шишках, в чугунах-чавунах варили постный борщ (с курицей – только в редкий праздник) и молочную кашу из пшена. О, что за «шкурка» сверху той каши – толстая, румяная, вкуснющая!

Топили в печи камышом, который по зимнему льду заготавливали в плавнях нашего болота. Камыш косили косами, снопы камыша свозили лошадьми домой и этими снопами обставляли стены хаты, из камыша делали заборы, укрывали крышу хат и сараев вместо соломы. Топили печь брикетами гноя, которые заготавливали вначале лета, сушили, склады-

вая в пирамидки, затем в сарай. Так было до начала 70-х, когда отец организовал в колхозе коммунальный, стал закупать для людей уголь и газ в баллонах.

Помню картинку зимнего вечера. На глиняном полу-доливке, через всю кухню лежит большой сноп камыша – внесли согреться, утром надо камышом протопить печь. Бабушка на лежанке вяжет варежки из тёмной овечьей шерсти, мама возле керосиновой лампы вышивает рушник или салфетку, я на печи листаю книжку. Отец принёс заготовленную охапку лозы, воткнул прутья в гарбуз-тыкву и плетёт вершу-морду. Завтра утром поставит её на речке в полынью против течения, а вечером сходит вытрясти с полведра вьюнов, а может и окуньков.

Почти через 25 лет в 1980-м отец возведет в соседней Андреевке ещё один огромный дом на две половины: себе и сыну Ивану. Как и его дед Данила, он всю жизнь строил: сарай в колхозе и людям, укрывал крыши соломой и камышом-очеретом. Всю жизнь он себе во дворе постоянно что-то перестраивал: сарай, хлев, погреб, гараж, баню, летнюю кухню. Не знаю более неутомимого человека. Мама всегда его останавливала: «Да посиди, отдохни немного!» А он всегда в дождь маялся без работы и говорил: «Пропал день!» Даже в 90 лет он сажал и полел картошку возле дома, нанимал рабочих разбирать сеник и обновлять забор.

Такой же мастер на все руки и мой **брат Николай**, который живет в городе Купянске. Там у него небольшой дом и усадьба обустроены с большим вкусом и мастерством. Николай внешне больше походил на своего деда Ивана Кузниченко, был похож на молодого актера Михаила Боярского, в нем всегда чувствовался мужской стержень, своим обаянием очень нравился женщинам. А его брат-близнец **Иван** (1954—2015) хоть внешне и схож с Николаем, но – иной, видимо, в другого деда, Нестора Кобзаря, жалостливого и доброго. Он, в отличие от Николая, любил читать, предпочитал одиночество. Природа отдала одному брату все лучшие деловые качества, а другому – слишком доброе и мягкое сердце, от которого он сам страдал.

Тогда в конце 50-х в Украине стали сажать сады. Отец возле хаты насадил огромный сад. И чего только не было в том саду! Не меньше пяти сортов яблок: от ранних, как белый налив, до зимних – снежный кальвиль, макинтош. Несколько сортов груш, сливы—угорки, а ещё большие мясистые, и мелкие сладкие, жёлтые. Вишня-шпанка и черешня, красная и жёлтая, медовые абрикосы, кусты крыжовника, разной смородины, малины!.. Под деревьями в саду стояли отцовские ульи, а в палисадниках и в огороде у мамы цвело много разных цветов. У неё все соседки просили цветочные семена и клубни георгин, пионов, лилий.

Там, в том райском саду, в родном доме, на цветущей родной земле прошли мои счастливейшие детские годы, среди самых родных, самых дорогих людей. Навсегда в моей душе осталась бесконечная благодарность судьбе и моим родителям за безмятежное детство и юность. Это благодатное время – главная наша опора на всю жизнь, в этих воспоминаниях мы черпаем радость и силу для преодоления всех жизненных невзгод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.